

Кампания 1812 года глазами Андре Рачински

Андре Рачински - французский историк, доктор исторических наук, преподаватель Института политических исследований и Института восточных языков и цивилизаций. В Сорбонне (Париж III) им была защищена диссертация о военных подвигах Наполеона и Александра I. Книга Андре Рачински «Наполеон и Александр I. Война идей» представляет собой переложение для широкого читателя документально подтвержденных в диссертации тезисов о контактах и взаимоотношениях России и Франции в конце XVIII - начале XIX вв.

Автор исходит из того факта, что Франция и Россия имели в этот период очень тесные культурные связи. Поэтому, с его точки зрения, военные эпопеи и Наполеона, и Александра I не были борьбой за территорию или жизненное пространство, а, по сути, обозначали только борьбу идей, идеологические конфликты. Время, в которое разворачивались события, было эпохой кризиса многих общественных ценностей и в первую очередь духовных ценностей философско-религиозного характера. Из этого духовного противостояния родился, по мнению автора, «романтизм, разрыв между мечтой и действием, который лег в основу движения декабристов».

Андре Рачински освещает те контакты России и Франции, которые до сих пор были недостаточно известны. Он пишет о большом вкладе в культурное развитие России французской эмиграции эпохи Великой французской революции, аристократии, бежавшей от якобинской диктатуры. А. Рачински демонстрирует в своей книге то, что в истории не было принято выставлять напоказ: масонские связи Франции и России между 1800-1820 гг. Он объясняет особенности русского похода французов в 1812 г. и рассказывает о вкладе французов (барона Дамаса, Шуазеля-Гуфье, Сен-При и др.) в победы русской армии. Рачинский нашел также новые документальные свидетельства плодотворной деятельности таких известных в России французов, как де Ланжерон, де Траверсе и дюк де Ришелье, обеспечивавших русское превосходство на Балтийском и Черном морях.

Весьма объективно А. Рачински рассказывает о присутствии католиков в России, о борьбе Жозефа де Местра против М.М. Сперанского, которого французский философ считал проводником идей якобинства, поскольку он в своих предложениях по государственным преобразованиям пользовался кодексом Наполеона. Любопытно освещение французским историком вклада идей де Местра в политические концепции русских политиков-публицистов, таких известных масонов, как М.С. Лунин, М.Ф. Орлов, П.Я. Чаадаев и П.Б. Козловский.

Книга содержит великое множество фактографического материала и соответствует своему названию. В ней автор подробно останавливается на личности и того, и другого монарха, объясняет природу их взаимоотношений и вклад каждого в историю своих стран. Он оценивает их прогрессивные и реакционные начинания, личностные качества, взаимоотношения с подчиненными, близким окружением, чиновниками, придворными, дамами и военачальниками.

Стоит остановиться на взгляде Андре Рачински на кампанию 1812 года. Французский историк рассматривает ее в четвертой части своей книги «Идеологические и политические конфликты Франции и России», состоящей в свою очередь из двух глав «Война и мир» (1805-1812) и «Русские во Франции». Иными словами, русская кампания для Рачински всего лишь звено в цепи непрерывных русско-французских отношений со всегда существовавшими, но внезапно вдруг обострившимися конфликтами.

Наполеон, который не был рожден в монаршей семье и не был продолжателем династии, стремился во что бы то ни стало стать императором. Он не испытывал никаких утрызений совести. Французская республика, чтобы выжить, должна была защищаться, должна была экспортировать свою революцию, поскольку Франция со всех сторон была окружена враждебными новым порядкам государствами. Военный гений Наполеона сделал из него историческую фигуру, умеющую развязывать конфликты военным путем на всех направлениях. Военная слава узурпатора должна была убедить весь мир в логике его побед.

Начиная с 1812 г. все страны Европы без исключения принимают участие в противостоянии сил на континенте. Экспедиция Наполеона в Россию была бы слишком рискованна без американского вклада в общую расстановку сил на Европейском континенте, Серьезные

сражения американцев с англичанами отвлекали Англию от вмешательства во французские проблемы в 1812-1815 гг. В Европе же в это время состоялись три крупнейших сражения при Бородино, Лейпциге и Ватерлоо.

Отправляясь на завоевание России, Наполеон многое продумал и хорошо предусмотрел. Он знал о мощном потоке французских эмигрантов в последние десятилетия XVIII в. в Россию. Этот поток особенно усилился во время «напряженной работы гильотины». В Россию бежали люди всех сословий, так или иначе пострадавшие у себя на родине, эта страна была притягательна для французов не меньше, чем Южная Америка для испанцев и португальцев. Она манила как Эльдorado. Обустроиться в России было проще, чем за океаном.

Французский язык в XVIII столетии — это язык всей Европы и, в частности, язык дипломатической переписки. Русский двор состоял из людей исключительно говорящих по-французски. Среди чиновников также французский язык был в ходу, так как использовался обязательно наряду с русским. Французский был необходим всякому, собиравшемуся сделать военную, чиновничью или дипломатическую карьеру. В начале XIX в. правящие круги России не изъяснялись иначе, как по-французски, во всяком случае в трех первых поколениях от начала века. Французская литература и философская мысль были знакомы русским в Петербурге и Москве не меньше, чем в Париже и Лионе. Французские книги раскупались в России быстрее, чем во Франции, не говоря уже о числе экземпляров и читателей. Для поддержки салонных бесед по-французски, для изготовления французских блюд и создания замысловатых причесок возникает обширная французская диаспора, чтобы не сказать сразу - колония. В Россию едут повара, парикмахеры, учителя танцев, воспитатели. Как выразился один французский дипломат: «В России дождит французами, как в жарких странах насекомыми». Французская портретистка Вижье-Лебрен в своих воспоминаниях о России рассказывает о том, как она прекрасно себя чувствовала в России в любом обществе, потому что всюду говорили по-французски, и обычно в гостях можно было «на десерт» встретить французов. Виконт Пюибисек в своих заметках о войне 1812 года пишет: «На Невском я как в Париже... Буквально все говорят по-французски».

Массово французская знать стала перебираться в Россию с 1789 г. После блужданий по Европе французы оседали именно в России. В Петербурге, например, обосновались самые престижные аристократические семьи: Монморанси, Рошешуар, Ларошфуко, Брольо, Полиньяк, Ля Тремуй, Дамас, Лаваль. Екатерина Великая все эти семьи поддержала материально. Впоследствии представители этих семей поступают на царскую службу к Павлу I, а затем к Александру I. Французы работают везде, в министерствах и ведомствах, возглавляют войска на суше и на море, отдельные подразделения и целые армии.

Поистине билингвизм сыграл колоссальную роль в русско-французских политических и культурных связях. Французский язык оказал влияние не только на русский синтаксис и словарь, но также и на становление некоторых идей, поскольку изучение науки и искусств велось по-французски. Как известно, существует разница менталитетов и большие разногласия между словами-концептами, усвоенными с детства. Введение новых концептов, новых понятий к тому же на иностранном языке усваивается бескомпромиссно на языке оригинала. Изучение французской литературы и философии заставляло впитывать слова-понятия и полагать их своими собственными. «Нация», «республика», «права человека» — эти понятия усвоены были, что называется не по-русски, а в их западном, французском значении, причем так же легко и просто, как, скажем, *альков*, *мода*, *адюльтер* и *дэнди*.

Курьезно, например, что брат Марата Давид, приехавший в качестве наставника для детей к одному крупному помещику, получил от русской императрицы высочайшее разрешение на преподавание в Царскосельском лицее. Став Давидом Ивановичем Будри он преподавал А.С. Пушкину французскую литературу. Молодой корсиканец Наполеон Бонапарт хотел поступить на военную службу к русским, чтобы получить чин майора. Он же сватался к русской княжне, но получил отказ. В Военной галерее героев войны 1812 года в Эрмитаже есть немало французов, причем не только по фамилии, но и по рождению. Руководивший русским флотом на Черном и Балтийском морях маркиз де Траверсе служил русскому государю, может быть, вернее, чем адмирал Чичагов, который конец жизни провел во Франции, не имея никаких контактов с Россией. Маркиз де Сан-глан был назначен Александром I начальником тайной полиции и руководителем контрразведки. Маркиз де Кастельно служил главным театральным цензором. Маркиз Лярошкурбон состоял на службе у Павла I, потом у Александра I в качестве обер-штальмейстера. Ксавье де Местр руководил библиотекой Адмиралтейства.

Потомки Рюриковичей и Людовика Святого соединяют свои судьбы. Можно вспомнить браки,

заклученные между представителями высшего слоя общества: де Кэнзон женится на княгине Одоевской, герцог Эйнский на графине Головкиной, граф д'Олон на барышне Мордвиновой, дочери адмирала Мордвинова, граф де Ланжерон на княгине Трубецкой, Ксавье де-Местр на Софье Загряжской, герцогиня Аглая де Граммон выходит замуж за будущего известного декабриста Давыдова, дочь графа Лавала - за Сергея Трубецкого.

Французские скульпторы, живописцы, музыканты работали в домах русских аристократов и купцов. Например, Гишар - официальный скульптор царской семьи. Архитектор Тома де Томон строит морскую биржу на Васильевском острове. В театрах ставят комические оперы Фавара и Гретри. В Санкт-Петербурге работают три французские труппы: оперная, ставящая трагедии и группа комических актеров. Пресса с восхищением писала о талантах божественной Фелис Андрие, о мадмуазель Бертен, о мадам Монгодье, о баритоне Гарате, о великих исполнителях пьес Расина, Корнеля и Мольера - Доминьи, Лароше и Дюране. В 1808 г. мадмуазель Жорж блистала в расиновской «Федре». Мадам де Сталь пошла посмотреть этот ее незабываемый спектакль в 1812 г., хотя в тот раз актрису освистали. Де Сталь не знала, кому выразить свое возмущение поведением русских зрителей.

Думается, что из перечисленных фактов русской жизни картина возникает весьма впечатляющая. Французы в России - как у себя дома. Наполеон решил, что эта страна вполне готова к колонизации. Отправляясь в военный поход в Россию, он решил по-особому выстроить свою армию. Да, в ней будут, как обычно, солдаты, представляющие все европейские страны, возглавляемые французскими офицерами, но в поход вместе с ним пойдут также десятки тысяч французов, не носящих ружье: слуги, врачи, повара, маркизанти, женщины для борделей всех рангов, а также краснодеревщики, ювелиры, актрисы, певцы и певицы, портнихи, белошвейки, вышивальщицы, танцовщицы. Многие из французов берут своих жен и детей. Казалось, целая страна снялась с насиженного места и решила освоить новое. Никогда до русского похода Наполеон не был обременен таким количеством гражданских лиц. Историки располагают лишь списками убитых воинов, но число погибших в России французов неизмеримо больше. Сколько никем не учтенных утонуло в болотах или замерзло в лесах!

Зачем вообще Наполеону были нужны гражданские лица? Андре Рачинский отвечает на этот вопрос следующим образом. Наполеон хотел объявить себя в России императором всей Европы. Став французским императором, он позаботился о том, чтобы утвердить себя в Европе, а теперь ему настало время утвердить себя на Европейском континенте от Ла-Манша до Урала. Беспредельность властных желаний Наполеона привела к тому, что в 1812 г. он заставил приехать в Париж папу Пия VII. Папа должен был благословить его как будущего верховного правителя всей Европы, возможно, вскоре приехать в Москву...

Наполеон очень хорошо был осведомлен об успехах католической церкви в России, о растущей пастве, о многочисленных аббатах, бежавших от революции и ставших отпрысками благородных фамилий. (Случайно ли у Пушкина наставник Онегина-мальчика называются *monsieur L'Abbe*?) Аббаты продолжили дело многочисленных иезуитов, появившихся еще при Екатерине II. Большинство иезуитов в России были именно французами. Они открыли немало учебных пансионов и школ и преподавали там французский язык и французскую словесность. После революции к иезуитам присоединились другие католики: францисканцы и доминиканцы, занимавшиеся просвещением русских голов в Петербурге, Москве, Смоленске, Риге, Полоцке, Саратове, Астрахани, Моздоке, Одессе и некоторых городах Сибири.

В беседах с папой Наполеон пришел к мысли об унификации двух христианских церквей: католической и православной. В Москве, древней столице России, должна была состояться интронизация французского монарха на престол правителя всей Европы. Это событие должно *было стать* кульминацией русского похода и обозначить конец изматывающей войны, задуманной Александром I. Быть возведенным на трон в Кремле в присутствии тысяч москвичей и солдат, прошедших через всю Европу, значило для французского монарха объединение всех наций, которые должны были жить по единому кодексу, единым законам, единым принципам, мнениям и интересам. Такой универсализм Наполеона, как ни странно, оказался сродни тому, что объявил, например, с трибуны Конвента аббат Грегуар: «После победы Французской революции хорошо бы увидеть исчезнувшими с лица земли все европейские границы!»

На о-ве Святой Елены Наполеон, со слов его летописцев, скажет, что его целью в России была не агрессия, а мир и покой, реформаторство. Речь шла о континенте Европа.

Россия была в курсе планов Наполеона. Александр I оценивал свои силы как недостаточные для противостояния французам. При этом он задумывался не только о судьбах России и

русской церкви, но и о судьбах мира и христианства вообще.

В Париже было немало русских агентов. Очень интересная информация исходила от полковника А. Чернышева, которого одинаково хорошо принимали у себя в альковах Каролина Мюрат и Полина Боргезе. У русских были свои люди во французских министерствах и ведомствах, откуда регулярно поступали к государю копии важных документов. Русские дипломатические службы знали все о передвижениях наполеоновских войск. У руководителя русской тайной полиции и одновременно шефа контрразведки маркиза де Санглана были сведения о 98 тайных наполеоновских агентах, работавших на русской территории.

Для русского общественного мнения в начале XIX в., накануне войны, было немалым удивлением узнать о назначении на важные ключевые посты таких лиц, как А.А. Аракчеев, А.Д. Балашов, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин. Последний, как известно, стал генерал-губернатором Москвы. Именно Ростопчин станет автором сценария событий, последовавших после оккупации французами священного града.

Отдельную главу своей книги Андре Рачински посвятил личности Ростопчина Европейски образованный, знаток французского языка и культуры, Федор Васильевич Ростопчин поначалу незаметно служил при дворе, где был то в фаворе, то в немилости. Но его блестящий и острый ум всеми был замечен.

Екатерина II первой пригласила Ростопчина на царскую службу, Павел I назначил его директором почтового департамента и также «присутствующим в коллегии иностранных дел». В 1800 г. Ростопчин становится членом Государственного совета и руководит европейской политикой России. Его позиция в первые годы XVIII столетия - это позиция франкофила: не вступать в антиякобинские коалиции, не развязывать войны и антиреволюционный террор. Он даже проповедует альянс России с бонапартистской Францией против Англии. Но в целом он критически настроен против Австрии, виноватой в «предательстве Суворова». Он считает, что России выгоднее не растаптывать постреволюционную Францию, но заняться отвоеванием Константинополя у мусульман. С помощью многих искусно задуманных интриг, любящий Россию Ростопчин был удален от двора к концу царствования Павла I.

Его профранцузским настроениям приходит конец в 1806 г. Вместе со своим другом Воронцовым он пересматривает свои взгляды и 17 декабря 1806 г. пишет Александру I специальное открытое письмо, предупреждающее его о «перехлесте» французских влияний и французского воспитания. Именно эти два момента он считает губительными для России. Его также беспокоят российские мартинисты, о которых он тоже напишет специальное послание.

Мартинисты (поклонники учения Сен-Мартена) в России появились в начале XIX столетия. Философ-спиритуалист Сен-Мартен был автором популярной среди русских масонов книги «Истина и заблуждения». Русские мартинисты — люди очень просвещенные и честные, стоящие гораздо выше грубых развратников вольтерьянцев. Они преимущественно сугубые аскеты и пустынножители, склонные к проживанию в отдалении от света, в имениях, вдали от больших городов. Их отличает визионерство, желание пророчествовать. Однако то, что им представлялось достижимым в России уже завтра, требовало значительно большего времени. Именно поэтому Екатерина II и другие монархи считали мартинистов своими врагами, они слишком торопили события.

В том, что касается власти, мартинисты вслед за Сен-Мартеном мечтали о мудром и законопослушном монархе. Это была основа политической концепции масонов. Их кумир Сен-Мартен подробно об этом писал: «...Не могу не признаться, что правление единого, без всякого прекословия есть естественнейшие и сходнейшие с истинными законами, которые выше всего предложил я как существенно принадлежащие человеку».

Особо осуждал Сен-Мартен «всякое противление» и «непокорство»: не подданный учредил себе законы политические и начальников, так не его дело опровергать их. В «Искателе премудрости или духовном рыцаре» И.В. Лопухина эта мысль сформулирована еще более четко: «Непоколебимая верность своему государю с особливою обязанностью охранять престиж его не только по долгу общей верноподданных присяги, но и всеми силами стремясь отвращать и предупреждать оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения противу властей державных».

Возникает законный вопрос, почему законопослушные и верные государю мартинисты вызывают негодование Ростопчина, высказанное им в специальной записке «О мартинистах», которую одни считают литературой, другие доносом? Дело в том, что признавая государя за главное лицо, мартинисты могли в своих суждениях восставать против тех, кто им не нравился, а это мог быть их правитель и его приближенные. Ростопчин опасался тайной деятельности мартинистов. Он не без основания подозревал их в попытках дискредитации Александра I и в несправедном смущении умов современников. Если Ростопчин в своих афишах

преувеличивал успехи российской армии, мартинисты в своих воззваниях их преуменьшали, если глава Москвы восхищался Александром I, мартинисты позволяли себе его критиковать и призывать народ к восторженной встрече Наполеона. А. Рачински справедливо замечает, что масоны не знали о контактах Александра I с Ростопчиным, а если и знали, то не догадывались о том, что между царем и тем, кого он назначил руководить Москвой, существуют особые отношения. А. Рачинский утверждает, что пожар, очистительный огонь, спасающий от позора поражения, обсуждался реально мыслящими русскими политиками, но никто не говорил о том, что отдаст приказ о поджогах домов. Еще до прихода французов в Москву некоторые крупные аристократы начали поджигать свои дома, их примеру последовали другие горожане. Мартинисты эти действия называли варварскими. Они распространяли прокламации, в которых говорили о том, что всем следует ждать прихода Наполеона как освобождения.

Благодаря этим прокламациям Ростопчину удалось выяснить, кто придумал их обнаружение и кто сочинял тексты. Выяснилось, что это личный секретарь директора Московского почтамта Ф.П. Ключарев, а также некоторые другие, уже очень пожилые масоны, скончавшиеся вскоре после окончания русско-французской войны: князь Трубецкой Н.И., сенатор И.В. Лопухин. Секретаря Ф.П. Ключарева поймали и отправили к министру тайной полиции на дознание, а затем сослали в Воронеж.

Какие еще слухи распускали мартинисты? Ну, например, они обсуждали вопрос о том, что Наполеон — сын Екатерины II, которого она де отдала на воспитание за границу и сейчас подошло время его возвращения. Еще якобы перед смертью царица потребовала, чтобы Павел сразу по его возвращении отдал своему брату по отцу Наполеон/ половину своих территорий, 30 августа Ростопчин приказывает закрыть все публичные общественные заведения и ускорить отъезд из Москвы всех чиновников. В этот момент мартинисты из членов Сената (И.В. Лопухин, Д.П. Рунич, помощник почт-директора, А.М. Кутузов, поэт и переводчик) оказывают ему прямое сопротивление. Они, как раз наоборот, убеждают коллег, друзей и знакомых во что бы то ни стало никуда не уезжать и оставаться в Москве. И тогда Ростопчин постарался их выставить насильно. А. Рачинский не называет Ф.В. Ростопчина, как это часто делают в России, «лукавым и мстительным вельможей-временщиком, хотя и талантливым писателем», наоборот, он воздает ему должное как русскому патриоту.

Для того чтобы осуществить столь трудную миссию, как сдача Москвы, нужен был человек умный и сильный. Ростопчин оказался именно таким. Ростопчину было важно не столько помешать военной победе Наполеона, сколько психологически, морально и идеологически противостоять супостату. Александр I положился на Ростопчина как на исполнителя своей воли. Его отношения с Ростопчиным были абсолютно конфиденциальны. Отсюда, видимо, следует недопонимание и некоторая враждебность в отношениях Кутузова и Ростопчина.

Французы могли предположить, что Ростопчин имел тайные инструкции об эвакуации города, чтобы помешать восшествию Наполеона на новый престол. Ростопчин ведь начинает с того, что убирает из Москвы великого князя Константина, брата Александра I, который своим присутствием мог бы поддержать французов. Он действительно издает приказ об эвакуации населения (насильственной, если это необходимо) для того, чтобы лишить Наполеона поддержки его возможными сторонниками и вообще устранить присутствие зрителей, которые могли бы стать свидетелями его восшествия на престол.

Идеологические выпады, психологическая война - понятия абсолютно современные. Но и XVIII столетия и в начале XIX в. хорошо себе представляли, как можно организовать психологическое воздействие на мирное население, особенно во время войны, знали, что такое «запугивание» и как оно осуществляется. С тех пор мало что изменилось. Война идей в 1812 г. достигает своего апогея. Соотнесение событий жизни государства с судьбами своих соотечественников было доступно людям просвещенным, образованным, но происходило оно по-разному с классовых позиций и в пользу государственности. Подогнать революционную диктатуру к России оказалось возможным лишь столетие спустя.

Ростопчин, хотя и действовал как будто несогласованно с Кутузовым, поэтапно совершил все, что мог и был должен. Разобравшись с мартинистами и великим князем Константином, он способствовал набору 80 000 добровольцев, побуждал дворян и купечество к пожертвованиям, поддерживал в народе бодрость и доверие, обращаясь к нему со своими знаменитыми афишами, или объявлениями, написанными простонародным языком, весьма живо и легко. 16 афиш позднее были изданы Суворовым.

Пожары в Москве начались еще до прихода французов в Москву. Кутузов был страшно этим недоволен и обвинял в самоуправстве Ростопчина. Ростопчин жаловался на Кутузова царю: «Я в отчаянии от предательских действий Кутузова по отношению ко мне». Главнокомандующий русскими войсками и

главнокомандующий в Москве не были в курсе тайных инструкций, данных каждому из них. Таково мнение А. Рачински.

Москва втянула французов как губка. Солдаты и офицеры Наполеона побросали свои пушки и начали грабить город. Из-за спин мужчин появились женщины, входившие в богатые особняки и забиравшие там в первую очередь серебро, а потом мех и все подряд, что стодится для продажи в Европе.

В «Записках туриста» Стендаль, бывший, как известно, в разоренной Москве с интендантскими службами, отметил: «В этом городе есть семь или восемь дворцов, подобных которым нет в Париже...» В конце концов из 9158 зданий были разрушены 6532, не говоря о монументах, памятниках, скульптурах, театрах. В частных домах служили сотни музыкантов. Во дворцах Юсупова, Шереметьева и Апраксина были театры с тремя рядами лож. Москва - это университетский город, очаг мартинистов, богатой православной общины, библиотек, сокровища которых трудно переоценить. Жозеф де Местр восхищался библиотекой князя Д.И. Бутурлина, в которой насчитывалось 26 000 томов, у А.И. Мусина-Пушкина была библиотека средневековых рукописей. Хорошие библиотеки были у Н.М. Карамзина, у Г.С. Салтыкова, И.П. Мятлева, М. Голицына, князя А.К. Разумовского. Эти русские собиратели и коллекционеры хранили у себя также рукописи и книжные раритеты, спасенные из огня 1793 г.

Французский император, который вез с собой две статуи, изображающие его в образе римского цезаря, весом полторы тонны каждая, войдя в Москву 2 сентября, оказался не в мирной древней столице, встречающей его хлебом-солью, а в опустевшем горящем городе. Путь его в Кремль шел среди полыхающих грандиозных костров. Из 275 000 москвичей, на которых он рассчитывал как на потенциальную публику, зевак и зрителей, осталось только 6000, в основном, русских священников и иностранцев.

Транспорт исчез. Ростопчин распорядился отдать подводы раненым под Бородино. Он же приказал убрать из Москвы 64 противопожарные установки и всех пожарников. Французы боялись селиться в роскошных особняках, их поджигали в первую очередь. Церкви и монастыри, если не горели, то захватчики использовали их под отхожие места и конюшни. Простые русские люди, пишет А. Рачински, были убеждены, что имеют дело с Антихристом. Они были очень далеки от того, чтобы испытывать даже отдаленную симпатию к супостату. Ощущения победы у Наполеона не было. Вместо верховного правителя Европы он стал хозяином караван-сарая. На о-ве Св. Елены он скажет: «Чтобы чувствовать себя победителем мне бы следовало умереть прямо там, в Москве», В глазах России Москва — мистический символ государства, она не может вынести оккупации. Кремль был окружен пламенем. Древние храмы на территории Кремля были разграблены, и Наполеон бежал через потайной ход.

Столь красочные описания, встречающиеся у А. Рачински, думается, навеяны ему двумя авторами, которым он посвящает специальные главы - Жозефом де Местром и Яном Потоцким. Разумеется, он интересуется ими в первую очередь как историк, но понятно, что он держит в голове их художественные тексты и яркие образы. Можно ли забыть сцену в женском монастыре, куда ворвались солдаты у Яна Потоцкого в «Рукописи, найденной в Сарагосе»? Во всяком случае, вполне можно вообразить себе, как вели себя солдаты наполеоновской армии в русских монастырях и церквях и какие «приятные» впечатления оставили по себе в России. Что же касается самого Яна Потоцкого, его Андре Рачински вспоминает как тайного советника Александра I. Польский граф служил русской империи, за что был удостоен ордена Св. Владимира 1-й степени. К случаю напомним также, что он был талантливым ученым историком и лингвистом (первое применение этимологии в исторических изысканиях), этнографом и естествоиспытателем. Андре Рачински не жалеет слов для высоких оценок Потоцкого - славянофила и писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ratchinski A.* Napoleon et Alexander I: La guerre des idées. Paris, 2002.
2. *Лопухин И. В.* Искатель премудрости или духовный рыцарь, М., 1994.
3. Массонство и русская литература ХУШ - начала XIX вв. М., 2000.
4. Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX в. М., 1998.
5. *Потоцкий Ян.* Рукопись, найденная в Сарагосе. М., 1971.
6. *Пыпин А.М.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 1998.
7. *Ростопчин Ф.В.* «Ох, французы». М., 2000.
8. *Сен-Мартен.* О заблуждениях и истине. М., 1785.
9. *Улыбин В. В.* Александр I: Обратная сторона царствования. СПб., 2004.